

ЛЮБОВНИКИ

*Посвящается Сэму Майнсу,
который видел глубже других*

Глава первая

— Я должен выбраться, — услышал издали чье-то бормотание Хэл Ярроу. — Должен быть выход.

Внезапно проснувшись, он понял, что сам это и говорил. Более того: то, что он сказал, вынырнув из сна, никак с этим сном не было связано. Сон — одно, а слова, сказанные на границе пробуждения — совсем другое.

Но что же он хотел этим сказать? И где он? Вправду ли он переместился во времени — или то была сонная иллюзия? Но такая яркая, живая, что приходил в себя он очень медленно.

Взгляд на сидящего рядом человека прояснил его мысли. Он был в карете, направляющейся в Сигмен-Сити, в 550 году Эры Сигмена (по старому стилю — 3050 от Р. Х., — подсказал цепкий ум ученого). Значит, он вовсе не в путешествии по времени? Не во сне? Не на чужой планете за много световых лет отсюда, за десятилетия от нынешнего момента? И не лицом к лицу с достойным Исааком Сигменом, Предтечей, да будет реальным имя Его?

Сидящий рядом человек поглядывал на Хэла искоса. Худощавый, с широкими скулами, прямыми черными волосами и карими глазами с едва заметной монголоидной складкой, одет он был в светло-синюю форму клас-

са инженеров, украшенную алюминиевой эмблемой, указывающей на принадлежность к высшему эшелону. По всей видимости, инженер-электронщик с дипломом одной из лучших школ, обучавших этому ремеслу.

Человек откашлялся и сказал по-американски:

— Тысяча извинений, *авва*. Я знаю, что не должен бы обращаться к вам без разрешения. Но при пробуждении вы сказали нечто весьма любопытное. К тому же пребывание в одной и той же кабине временно уравнило наши статусы. В любом случае любопытство так просто меня не отпустит. Не зря же меня прозвали Сэм-Проньра!

Смущенно хохотнув, он продолжал:

— Совершенно случайно я услышал, как вы поставили стюардессу на место — это когда она говорила, будто у вас нет права сидеть здесь. Я не ослышался, — вы сказали, что *наврете* ей, и тогда она отстала?

Хэл понял не сразу, потом улыбнулся:

— Нет. Я ей сказал, что я универсал, *наврум*. Аббревиатура, по первым буквам, *на-все-руки-мастер*. Однако невелика ошибка: профессионалы частенько говорят, будто универсал соврет — не дорого возьмет.

Он вздохнул, припомнив все те унижения, которые пришлось выдержать, когда он решил не становиться узким специалистом, и отвернулся к окну, не желая поощрять соседа к разговору. Вдали виднелось яркое сияние — это, видимо, входил в атмосферу военный корабль. Немногочисленные гражданские судна спускались медленнее и не так резко.

С высоты шестидесяти тысяч метров он глядел на изгиб Северной Америки. Она была сплошной полосой света, здесь и там перетянутой лентами темноты, среди которых иногда попадалась лента пошире. Такой поло-

ской могла быть горная гряда или водный массив, на котором человек пока еще не успел возвести никакого жилья или фабрики. Огромный город, мегалополис. Подумать только: всего триста лет назад на всем континенте населения было едва ли два миллиона. А еще лет через пятьдесят — если не случится катастрофы, вроде войны между Гавайским Союзом и Израильской Республикой, население Северной Америки достигнет четырнадцати, а то и пятнадцати миллиардов!

Единственной областью, которую тщательно обтекала жилая зона, был Заповедник Гудзонова Залива. Хэл покинул Заповедник всего пятнадцать минут назад, но уже тосковал по нему, зная, что вернуться не сможет очень долго.

Он снова вздохнул. Заповедник Гудзонова Залива. Тысячи деревьев, горы, широкие синие озера, птицы, кролики, лисы, даже, по словам рейнджеров, рыси. Впрочем, последних осталось так мало, что через десять лет придется добавлять этих рыжих красавцев в длинный список вымерших животных.

В Заповеднике можно было дышать полной грудью, чувствовать свободу от оков. Свободу. И еще там острее чувствовалось одиночество, и время от времени — тревога. Он едва-едва научился с нею справляться, когда его работа среди двадцати франкоговорящих обитателей Заповедника закончилась.

Человек рядом заерзал, пытаясь набраться храбрости и снова обратиться к соседу-профессионалу. Нервно кашлянув пару раз, он сказал:

— Сигмен свидетель, надеюсь, я вас не обидел? Но мне вот интересно...

На самом деле Хэл Ярроу чувствовал себя задетым, поскольку этот человек проявил чрезмерную навязчи-

вость. Но он напомнил себе слова Предтечи: «Все люди — братья, хотя одни любезны отцу более других». И этот человек несколько не виноват, что салон первого класса был битком набит людьми с высшим приоритетом, и Хэлу пришлось выбирать между поездкой следующей каретой и соседством с низшим эшелонном.

— Все *шиб*, — сказал Ярроу. И объяснил, почему он здесь.

— А! — сказал этот человек, словно бы с облегчением в голосе. — Тогда... можно еще вопрос? Не зря же меня зовут Сэм-Пронюра, ха-ха!

— Можно, — сказал Хэл Ярроу. — Наврум, хотя и мастер на все руки, не занимается всеми науками сразу. На деле он ограничен конкретной дисциплиной, но в ней старается дойти до сути во всех тонкостях и ответвлениях знания. Я — наврум-лингвист. Я не ограничиваю себя одной из многих областей лингвистики, обладая отменным общим знанием этой науки. Это качество позволяет мне сопоставлять процессы, происходящие в разных ее областях, искать в одной специальности то, что может быть интересно человеку другой специальности, и извещать его об этом. В противном случае специалист, у которого нет времени на чтение сотен журналов даже по своей узкой направленности, мог бы пропустить нечто полезное.

— Во всех профессиях есть свои наврумы, которые поступают точно так же. На самом деле мне очень повезло с моей специализацией. Будь я наврумом медицинским, даже не знаю, как бы выгреб из пучины информации, пришлось бы работать с целой командой наврумов, и даже в этом случае мне бы не светило стать подлинным профессионалом — пришлось бы ограничиться какой-то одной областью. Таково чудовищное

количество публикаций в каждой специальности — медицине, или электронике, или физике, или вообще в любой науке, что координировать всю дисциплину целиком не сможет ни человек, ни команда. К счастью, мой интерес всегда составляла лингвистика. Я в некотором смысле нахожусь в тепличных условиях. Иногда у меня даже находится время для собственных исследований, и в исходящей бумажной лавине попадают и мои листочки.

— Конечно, я пользуюсь компьютерами, но даже наисложнейший компьютерный комплекс — всего лишь разумный идиот. Необходим человеческий разум — довольно-таки острый, простите за нескромность, — чтобы понять, какие предметы важнее других, и выстроить между ними и среди них осмысленные ассоциации. На них-то я и указываю специалистам, и специалисты подхватывают мои находки. Наврум — это, можно сказать, творческий соотнositель.

— Тем не менее, — добавил он, — это отнимает у меня немало личного времени для сна. Мой долг — работать по двенадцать часов в день или более во славу и на пользу Церства.

Последнюю фразу он ввернул на всякий случай. Если этот человек вдруг окажется узником или подузником, он не сможет донести, будто Хэл обманывает Церство. Вряд ли это так, но рисковать все равно не стоило.

На стене над входом в салон замигал красный сигнал, и записанный на пленку голос велел пассажирам пристегнуть ремни. Через десять секунд карета начала торможение, еще через минуту резко нырнула и стала терять высоту со скоростью, как сообщили Хэлу, тысяча метров в минуту. Теперь, ближе к земле, Хэл ви-

дел, что Сигмен-Сити (переименованный из Монреаля десять лет назад, когда он стал столицей Гавайского Союза вместо исландского Река) уже не был одним гигантским световым пятном. Темные пятнышки — наверное, парки, — виднелись тут и там, и вилась между ними тонкая черная лента Пророка, некогда — река св. Лаврентия. На высоту в полкилометра вздымались в воздух *пали* города, в каждой не менее ста тысяч особей, и в этой зоне их было три сотни такого размера.

В центре столицы находилась площадь, занятая деревьями и правительственными зданиями, не более чем в пятьдесят этажей высотой. Это был Университет Сигмен-Сити, в котором и трудился Хэл Ярроу.

Но жил он в *пали* по соседству, туда и ехал на Ремне, выйдя из кареты. Сейчас это ощущение возросло до максимума — ощущение, сопровождавшее его во все часы бодрствования, но ни разу доселе не осознанное, — пока не съездил в исследовательскую командировку в Заповедник Гудзонова Залива. Это было ощущение толпы — плотной, шевелящейся, толкающейся, смердящей массы человеческого мяса.

Толпа сдавливала его, и был он всего лишь тело среди прочих тел, человек среди множества людей, безликое, мимолетное препятствие на пути.

— Великий Сигмен! — буркнул он. — Как же был я глух, нем и слеп в своем неведении. Я же их *терпеть не могу!*

И почувствовал, как заливается краской вины и стыда. Вгляделся в окружающие его лица, будто они могли считать его ненависть, вину, смятение. Но нет, они не видели, да и не могли ничего такого видеть. Для них он всего лишь обыкновенный пассажир, с которым при личном знакомстве следует обращаться с уважени-

ем, ибо он профессионал. Но не здесь, на Ремне, уносящем этот поток живой массы по своему руслу. Обыкновенный мешок мяса и костей, скрепленных хрящами и обтянутых кожей. Такой же, как все они, а значит — пустое место.

Потрясенный этим внезапным откровением, Хэл сошел с Ремня. Скорее уйти от них от всех подальше, сбегать от чувства, будто он обязан перед ними извиниться и одновременно — от жгучего желания наброситься на них с кулаками.

Несколько шагов в сторону — и над ним открылась пластиковая губа *пали* № 30 — резиденции сотрудников Университета. Войдя внутрь, он не почувствовал себя лучше, хотя желание извиниться перед пассажирами Ремня остыло. Вряд ли они поняли, что он внезапно почувствовал к ним отвращение. Его лицо не дрогнуло, ни единая черточка не исказилась.

И даже это полная чушь, говорил он себе, прикусывая губу. Те, на Ремне, вряд ли могли догадаться — разве что они каким-то образом ощутили то же давление и отвращение. А если так, то кто они такие, чтобы ему указывать?

Сейчас он был среди своих. Люди в мешковатой форме профессионала с изображением крылатой ноги на клетчатом фоне — яркий клочок материи на левой груди. Единственное различие между мужчинами и женщинами: у женщин — юбки в пол поверх брюк, сетка на волосах и у некоторых вуаль. Последняя была аксессуаром не слишком редким, но уже отмирающим — обычай соблюдали пожилые женщины и наиболее консервативные из молодых. Прежняя мода сейчас отмечала придерживающуюся ее женщину как безнадежно устаревшую в своих вкусах — пусть даже прав-

довещатель время от времени восхвалял вуаль и сожалел о забвении столь славного предмета.

Хэл на ходу перебрасывался со встречными коллегами парой-тройкой слов. Издали увидел доктора Ольвегссена, декана своего факультета, и задержался посмотреть, не хочет ли Ольвегссен с ним поговорить. И даже это он сделал лишь потому, что у доктора была власть заставить его пожалеть о неоказанном уважении.

Но Ольвегссен был явно занят — помахал Хэлу рукой, крикнул издалека: «Алоха!» — и пошел дальше. Седовласый старик, он пользовался приветствиями и стандартными фразами своей юности.

Ярроу с облегчением перевел дыхание. Раньше казалось, что ему непременно захочется обсудить свое пребывание среди франкофонных туземцев заповедника, но сейчас он понял, что ни с кем говорить не хочет. Может быть, завтра. Но сейчас точно нет.

Хэл Ярроу ждал у двери лифта, пока хранитель проверял будущих пассажиров, определяя наличие приоритета. Когда двери лифта открылись, он вернул Хэлу карту.

— Вы первый, *авва*, — сказал он.

— Благослови вас Сигмен, — ответил Хэл машинально.

Вошел в лифт и встал у стены возле двери, пока определяли и ранжировали остальных.

Ждать пришлось недолго — хранитель уже не первый год был на этой работе и знал всех в лицо. Тем не менее, формальности он должен был соблюдать неукоснительно: то и дело кто-нибудь из жильцов бывал повышен — или понижен. Если хранитель ошибется и не определит перемены статуса, о нем будет доложе-

но. Годы, проведенные на посту, свидетельствовали, что этот человек свою работу знает.

В лифт набилось четыре десятка человек. Хранитель тряхнул кастаньетами, дверь закрылась, и лифт рванул вверх так, что у пассажиров подогнулись колени. А лифт продолжал набирать скорость: это был экспресс. На тридцатом этаже он остановился, двери открылись. Никто не вышел. Тогда оптический механизм лифта закрыл двери, и лифт продолжил движение вверх.

Были еще остановки, на которых никто не выходил, а потом лифт наполовину опустел. Хэл сделал глубокий вдох, потому что если на улицах или на уровне первого этажа казалось людно, то в самом лифте стояла ужасная давка. Еще десять этажей, то же гробовое молчание, что и раньше: все до одного вслушивались в голос правдовещателя, гремевший с потолка. Потом двери открылись на этаже Хэла.

Коридоры были пятнадцати футов в ширину — и в это время суток места хватало всем. Сейчас коридоры пустовали, чему Хэл обрадовался. Уклонись он от короткой беседы с соседями, его сочли бы странным. Это неизбежно породило бы толки, а те, в свою очередь, неприятности. Как минимум — объяснение с *гангтом* этажа. Задушевную беседу, нотацию, и Предтеча знает, что еще.

Он прошел метров сто, а потом, уже видя дверь в свою *пуку*, остановился.

Сердце вдруг бешено заколотилось, руки задрожали. Хотелось повернуться и пойти обратно к лифту.

Это, сказал он себе, нереалистическое поведение. Не такие у него должны быть чувства.

Кроме того, Мэри еще как минимум пятнадцать минут не будет дома.